

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

Mr. H. H. H. H.

В. А. Жуковскій и персидская народная поэзія.

«Персидское народное творчество, интересное въ отношеніи языка, формы и содержанія, остается до настоящаго времени областью совершенно необслѣдованной и неизвѣстной», писалъ въ 1902 г. нынѣ покойный мой учитель Валентинъ Алексѣевичъ Жуковскій, выпуская въ свѣтъ свои «Образцы персидскаго народнаго творчества». Это была первая попытка систематично собрать и обслѣдовать народныя произведенія Персіи не только какъ вспомогательный матеріалъ для рѣшенія тѣхъ или другихъ лингвистическихъ вопросовъ иранской филологіи, но какъ произведенія народной словесности, въ которыхъ такъ или иначе отразились характерныя черты быта и воззрѣній персидскаго народа, черты, которыхъ мы напрасно стали-бы искать въ произведеніяхъ художественной литературы Персіи.

Интересъ и вниманіе Валентина Алексѣевича къ этой отрасли персидской литературы зародились давно — со времени перваго практическаго ознакомленія съ Персіей, съ живыми представителями персидскаго народа и ихъ живымъ языкомъ, когда при своихъ занятіяхъ персидскими діалектами ему для своихъ цѣлей пришлось пользоваться произведеніями устной персидской поэзіи, такъ что и для него они первоначально служили тѣмъ-же вспомогательнымъ матеріаломъ, являлись тою-же *ancilla philologiae*.

Однако на ряду съ этимъ господствующимъ взглядомъ на народную словесность Персіи, у В. А., какъ показываютъ его раннія замѣтки¹, ясно проявился живой интересъ къ произведеніямъ персидской «народной музыки», въ которыхъ помимо массы драгоцѣнныхъ указаній бытового характера можно отыскать иногда образчики истинной поэзіи и проблески глубокаго поэтическаго чувства.

¹ Напр. «Образчикъ персидскаго юмора».

Занятія В. А. народными произведеніями Персіи выразились въ тщательномъ собраніи, объясненіи и изслѣдованіи этихъ произведеній, насколько это было въ его силахъ при томъ нескрываеомъ презрительномъ отношеніи самихъ персовъ къ достоинствамъ чисто народныхъ произведеній словесности и при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился во время своего трехлѣтняго пребыванія въ Персіи въ 1883 — 1886 гг., и весь собранный имъ матеріалъ, пополненный въ 1899 г., во время лѣтней поѣздки В. А. въ Тегерапъ, распадается по языку на два отдѣла. Первый — народные произведенія на разныхъ персидскихъ діалектахъ, заключающіяся въ настоящее время въ трехъ частяхъ «Матеріаловъ для изученія персидскихъ нарѣчій»; среди этихъ матеріаловъ наиболѣе важны и любопытны съ интересующей насъ точки зрѣнія давно ждущія выхода въ свѣтъ пѣсни бахтіяровъ¹, въ особенности ихъ боевыя пѣсни, являющіяся живымъ эпосомъ этого кочевого иранскаго племени. Второй отдѣлъ оставленнаго В. А. матеріала, болѣе обширный, составляютъ образцы народнаго творчества исключительно на персидскомъ языкѣ, изданные отдѣльной книгой и разбитые по содержанию на пять отдѣловъ: 1) пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, 2) пѣсни свадебныя, 3) пѣсни колыбельныя, 4) загадки и 5) образцы разнаго содержанія.

Вниманіе В. А., повидимому, съ самаго начала обратилось на пѣсни свадебныя и пѣсни колыбельныя, такъ какъ эти отдѣлы представляются наиболѣе имъ изучеными и изслѣдованными, служа цѣннымъ матеріаломъ для этнографіи Персіи. Въ частности на основаніи собранныхъ свадебныхъ пѣсенъ В. А. живо и ярко изобразилъ цѣльную картину свадебныхъ обрядовъ отъ начала и до ихъ завершенія; въ этихъ пѣсняхъ отражается свадьба лишь на югѣ Персіи, въ то время какъ въ другихъ мѣстностяхъ Персіи этихъ важныхъ для этнографіи данныхъ пока не найдено.

Цѣнность собраннаго и сообщеннаго В. А. матеріала усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что наблюденіе свадебныхъ обрядовъ въ Персіи во всей ихъ полнотѣ почти недоступно иностранцамъ, вслѣдствіе извѣстнаго положенія мусульманской женщины. Въ наблюденіяхъ В. А. преобладающую роль играютъ интересы этнографіи, тогда какъ вопросы историко-литературнаго характера, происхожденіе свадебныхъ пѣсенъ, ихъ форма и размѣръ стоятъ на второмъ планѣ.

Съ особеннымъ интересомъ и любовью В. А. остановился на изслѣдованіи и объясненіи персидскихъ колыбельныхъ пѣсенъ, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, «колыбельныя пѣсни всякой націи безспорно составляютъ

¹ «Матеріалы», ч. III.

одну изъ любопытнѣйшихъ и полныхъ высокаго интереса областей народно-пѣсеннаго творчества, онѣ составляютъ благодарный матеріалъ для пониманія народнаго самосознанія и народной души». Характеръ этихъ пѣсенъ, ихъ особенности и достоинства въ значительной степени отличаются отъ таковыхъ другихъ народныхъ произведеній Персіи, отношеніе къ нимъ персовъ въ большинствѣ случаевъ иное, чѣмъ къ другимъ народнымъ произведеніямъ.

Отличаясь живостью и образностью языка, глубиной чувства и непосредственностью лиризма, представляя незыскаемый источникъ бытовыхъ чертъ, словомъ, обладая «достоинствами одинаковыми съ другими областями народнаго творчества, колыбельная пѣсня обладаетъ бѣльшимъ богатствомъ содержанія, разнообразіемъ выражающихся въ ней жизненныхъ сторонъ, наконецъ, живучестью». Кроме того, нигдѣ яснѣе, чѣмъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ, не выступаетъ обликъ персидской женщины, не обрисовывается ея характеръ какъ матери, какъ жены, какъ хозяйки — семьянинки и какъ человѣка вообще.

Положеніе персидской женщины, недоступность ея «внутренняго міра мысли и чувства для пытливаго ума и взора большинства чужестранцевъ увеличиваютъ еще болѣе въ нашихъ глазахъ цѣну колыбельныхъ пѣсенъ, и тѣмъ бѣльшую цѣнность пріобрѣтаетъ талантливый этюдъ покойнаго В. А., напечатанный въ 1889 г.¹

Здѣсь данъ переводъ 68 колыбельныхъ пѣсенъ, но и этого матеріала было «достаточно для того, чтобы впервые повести рѣчь объ этомъ предметѣ», такъ какъ А. Chodzko², авторъ единственнаго въ то время сборника народной поэзіи персовъ, не коснулся области колыбельныхъ пѣсенъ; часть этихъ пѣсенъ (38), чисто персидскихъ, издана была впоследствии въ текстѣ съ переводомъ въ «Образцахъ персидскаго народнаго творчества», составивъ самостоятельный отдѣлъ.

Въ этюдѣ, кроме того, съ достаточной ясностью и полнотой вырисовывается разница въ условіяхъ жизни и быта персидской женщины осѣдлаго населенія и представительницы кочевого иранскаго племени (въ давномъ случаѣ бахтіаровъ).

Загадки (числомъ 95), записанныя въ 1886 г. въ Ширазѣ и д. Сивендѣ, составляютъ лишь матеріалъ для будущаго болѣе подробнаго обследованія этой области народнаго творчества Персіи не только съ точки зрѣнія этнографіи, но и съ историко-литературной, принимая во вниманіе тотъ довольно значительный запасъ загадокъ, который заключается въ произве-

¹ Колыбельныя пѣсни осѣдлаго и кочевого населенія Персіи, ЖМНП, 1889.

² Specimens of the Popular Poetry of Persia. London 1842.

деніяхъ разныхъ персидскихъ поэтовъ и въ различнаго рода антологіяхъ и спеціальныхъ сборникахъ загадокъ.

Первый отдѣлъ «Образцовъ», самый обширный по объему, составляетъ собраніе (числомъ 69) таснифовъ, своеобразныхъ персидскихъ романсовъ. Историко-литературные вопросы затронуты здѣсь попутно, и главное вниманіе вполне справедливо удѣлено значенію, которое имѣетъ въ историческомъ отношеніи большая часть таснифовъ — таснифы злободневные. Изданіе таснифовъ В. А. представляетъ значительный шагъ впередъ послѣ попытки въ этомъ направленіи А. Chodzko¹, сообщившаго рядъ таснифовъ лишь въ англійскомъ переводѣ, безъ персидскаго оригинала; интересъ В. А. къ этой области произведеній народной персидской словесности не исчезъ и послѣ изданія его таснифовъ: онъ намѣревался продолжить свои работы въ этой области изданіемъ сборника романсовъ — *مجمع تصنیفات*, хранящагося въ рукописи Публичной Библіотеки. Во всякомъ случаѣ историко-литературные вопросы о происхожденіи этого рода поэзіи, ея формахъ, вопросъ объ авторахъ таснифовъ и др. до сихъ поръ не выяснены, но послѣ изданія В. А. разрѣшеніе ихъ значительно облегчено.

Въ отдѣлъ «Образцовъ разнаго содержанія» вошли «народныя произведенія, которыя не принадлежатъ къ разряду обрядовыхъ, ... и которыя по малочисленности образцовъ не могли составить отдѣловъ самостоятельныхъ». Если принять принципъ классификаціи народныхъ пѣсень по содержанію, принципъ, которому въ большинствѣ случаевъ слѣдовалъ В. А., то среди этихъ образцовъ разнаго содержанія намѣчены самимъ покойнымъ дальнѣйшіе отдѣлы народныхъ произведеній Персіи, и лишь недостатокъ матеріала, какъ онъ самъ говорилъ, не далъ возможности обследовать намѣченные отдѣлы болѣе подробно, опредѣлить ихъ существенныя черты. При наличіи уже имѣющагося въ настоящее время собраннаго матеріала намѣченное В. А. составить вполне самостоятельные отдѣлы, какъ, напримеръ, стихотворныя присказки бродячихъ дервишей и слѣпцовъ, пѣсни чарваровъ, стихотворенія лирическія и любовныя, стихотворныя листки народной лѣтописи, народной сатиры на сословія, лица и событія и др.; указанные отдѣлы заключаютъ массу важныхъ и любопытныхъ бытовыхъ чертъ, раньше неизвѣстныхъ или мало понятныхъ по винѣ самихъ персовъ, чуждающихся произведеній народной словесности.

Еще со времени первой своей поѣздки въ Персію въ 1883—1886 гг. В. А. живо заинтересовался особымъ родомъ довольно обширной литературы, произведенія которой, въ печатномъ видѣ, онъ тщательно собираетъ,

¹ Ibid., pp. 417—450.

составивъ такимъ образомъ порядочную коллекцію, хранящуюся нынѣ въ Библіотекѣ Петроградскаго Университета: это — дѣтская литература, дѣтское чтеніе — *بچه خوانی*, «или, вѣрнѣе сказать, народная, потому что соками ея питается значительная часть простого населенія». Содержаніе ея составляютъ повѣствованія изъ жизни животныхъ, напр. «Мыши и Котъ», «Тетушка Лягушка», «Тетушка Жужелица», «Господинъ Воробей» и многія другія, въ литературной отдѣлкѣ народныхъ стихотворцевъ, имена которыхъ рѣдко извѣстны; повѣствованія эти представляютъ настоящій животный эпосъ. «Отличаясь живостью изложенія, мѣткимъ обыденнымъ языкомъ, большимъ юморомъ и наблюдательностью, они читаются съ большимъ интересомъ, а заключаая много общихъ, знакомыхъ намъ мотивовъ, невольно напрашиваются на сравненіе»¹.

В. А. первый обратилъ вниманіе на эту отрасль персидской народной словесности, неослабно слѣдилъ за ея судьбой, но, направивъ свои изысканія въ другія области, къ сожалѣнію, не сообщилъ результатовъ своихъ долгихъ наблюденій.

Приведенная нами краткая характеристика дѣятельности В. А. въ области изученія персидскаго фольклора позволяетъ съ полнымъ правомъ сказать, что труды В. А. по собиранію и изслѣдованію народной словесности Персіи представляютъ собою значительный этапъ въ прогрессѣ изученія персидскаго фольклора, не смотря на присущіе всякому труду недостатки, отчасти указанные нами попутно, что въ нѣкоторые уголки этой области В. А., какъ піонеръ, проникъ первымъ, что онъ внесъ въ изученіе Персіи невѣдомый доселѣ матеріалъ этнографическій и литературный и что для историковъ персидской литературы² только послѣ трудовъ В. А. явилась возможность впервые посвящать отдѣльную главу и персидской народной словесности.

А. А. Ромасевичъ.

¹ Колыбельныя пѣсни, отд. отт., стр. 18.

² P. Horn. Die neupersische Literatur in Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwicklung und ihre Ziele, herausg. von P. Hinneberg. T. I, Abt. VII, pp. 258—259; V. Die Volksliteratur.